

Марап Хыдырова

БАК

РАССКАЗЫ

12+

Марал Хыдырова

Бак. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35014401
SelfPub; 2019*

Аннотация

Основная тематика рассказов современной туркменской писательницы – одиночество «маленьких людей» в большом городе. В сборник входят четыре рассказа: «Соседка», «Две экскурсии», «Бак» и «Котенок».

Содержание

СОСЕДКА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марал Хыдырова

БАК

Рассказы

СОСЕДКА

1.

Последние двенадцать лет для Аджап стали тяжким испытанием. Сначала она потеряла единственного сына. Он умер от инфаркта, так и не оставив ей внуков. Ее Мурад был писателем, она гордилась им и каждую минуту своего времени посвящала ему. За завтраком сын, чтобы развлечь ее, рассказывал веселые истории и свои творческие задумки. Она слушала, а про себя уже строила планы на приготовление обеда и ужина. Стук клавиш, раздававшийся в течение дня из комнаты сына, был для нее музыкой, и Аджап, радостно порхала по дому. Жаль, что внуков нет, – грустила она иногда, но старалась не докучать сыну лишним нытьем.

После смерти Мурада она так и не привыкла завтракать в одиночестве. Обед – на ходу, спать укладывается рано, иногда без ужина – у нее пропал аппетит не только к еде, но и к жизни. Да и здоровье ее резко ухудшилось: застарелый артрит неотвязно следовал за ней. Раньше она любила посещать городские базары и рынки, прицениваться, выбирать хороший товар. А сейчас далеко от дома не уйдешь – колени ноют, поясницу ломит, плечи опустились к земле, будто на шее у нее сидит кто-то невидимый. Аджап с юности имела сутулую фигуру, а за последнее время она согнулась так, что издали напоминала вопросительный знак.

2.

Хотите знать, почему Аджап такая сутулая? Весьма глупая история. Училась она в средней школе небольшого городка – Казанджика, и в классе шестом у них появился новый учитель физики – молодой человек, очень жизнерадостный и веселый, в общении со своими учениками простой и по-мальчишески задорный. Все девчонки в школе были влюблены в него по уши, и даже какие-то его недостатки возводили в степень совершенства. Учитель имел привычку сильно сутулиться, но девчонки, глядя на его округлую спину, томно вздыхали, и, стараясь во всем походить на своего кумира. Аджап в этом отряде поклонниц не была исключением. Она тоже подражала его манере держаться и не успела опомниться, как ее и без того маленькие и покатые плечики опустили ниже положенной нормы. Окончив школу, она уехала покорять большой город, жизнь свою поменяла на сто восемьдесят градусов, а вот осанку изменить уже не смогла.

Чтобы тетушке не было одиноко, племянница Нязик подарила ей птичку в клетке – маленького волнистого попугайчика цвета лайма, которого Аджап, не долго думая, назвала Тоты-джан (*попугайчик – с туркменского*). Попугайчик оказался энергичный и общительный и развлекал ее, повторяя слова и даже целые фразы. И вроде бы жизнь стала не так уныла, но новое событие причинило ей сильную душевную боль. Дом Аджап пошел на снос. Это был жестокий удар. Аджап никогда надолго не покидала родного пристанища. Если

ездила в другой город, чтобы погостить у близких родственников, сразу же собиралась в обратный путь: ей не хватало родных стен. В этом доме она овдовела, здесь подняла на ноги единственного сына, отсюда же и проводила его в последний путь... Она знала по именам всех своих соседей, и каждый знал ее. А ее маленький садик! Она так за ним ухаживала, что редко, кто проходил мимо, не заглянув за изгородь полюбоваться чайными розами и шикарными пионами. А теперь – как она будет без всего этого?

3.

Ей дали квартиру на втором этаже пятиэтажной новостройки. Войдя в свое новое жилище, Аджап почувствовала, как сердце уныло стукнуло и на целую секунду замолчало. Понятно, радоваться было нечему: голые стены, неуклюже облепленные пестрыми обоями, еще не окрашенные косяки дверей, а главное, запах – пустой, безжизненный. В гостиной Аджап глянула в окно: насколько хватает глаз, пустырь без единого деревца, а вокруг дома груды песка, в котором еще возится строительная техника. Она вздохнула. Всё здесь чужое. За стенкой слышно, как соседи, которых она не знает, бурно обсуждают, где лучше поставить телевизор. Вот кто-то на каблуках пробежал с верхнего этажа вниз, наверху громыхнула железная дверь. Вздрагивая от каждого нового шума, она медленно опустилась на одинокий табурет. «Надо непременно найти здесь что-то, к чему ты привяжешься всей душой, Аджап, а иначе, тебе – конец». Так-

то оно так, но что в этом чужом мире сможет полюбовиться? Вдруг она вспомнила, что возле подъезда строители оставили небольшой участок для зеленых насаждений. Аджап сразу приободрилась: перспектива разбить перед многоэтажным домом небольшую клумбу широко ей улыбнулась. Она там посадит розовые кусты и любимые пионы и с соседями познакомиться. Настроение у Аджап заметно приподнялось.

4.

На следующее утро, наспех попив чаю, она собралась осмотреть участок под свою будущую клумбу. На дворе стоял жаркий апрель – самое время сажать. Цветочная рассада, прихваченная из ее садика, будет очень кстати. Выйдя из подъезда, она обнаружила, что участок уже весь перелопачен. Не обработанным оставался самый дальний угол, но женщина в розовом спортивном костюме активно его «дорабатывала»: она энергично взмахивала лопатой и, втыкая ее в самую глубину, с силой выворачивала комья почвы. Поодаль на солнышке грелась черная кошка. Аджап подошла ближе и откашлянулась. Женщина с лопатой не обращала на нее ровно ни какого внимания. Навскидку, Аджап дала ей лет шестьдесят пять. В женщине можно было распознать «светскую львицу» в отставке, под старость отчаянно молодившуюся. Кричащий цвет ее костюма, плотно облегающего уже расплывшуюся фигуру, модно стриженные волосы, покрашенные в цвет красного дерева, явно на это указывали. Аджап оценила также ее макияж – румяна на уже дряблова-

тых щеках были совсем не уместны.

– Бог в помощь, соседка, – приветливо обратилась Аджап к розовому костюму. Та на секунду подняла голову, небрежно кивнула и опять продолжила свою работу, выворачивая землю с еще большей силой.

– Здесь можно небольшие грядки разбить. У меня и сада есть!

Женщина в розовом костюме выпрямилась. Опершись на черенок лопаты, уставилась на скрюченную фигуру Аджап своими густо накрашенными сурьмой глазами.

– Еще чего! Я здесь яблони и изгородь насажу, чтобы всякий на моем участке не лазил!

– Как это на вашем участке?! – опешила Аджап, – я думаю, что земля общая и все жильцы имеют на нее право.

– Вы можете думать что угодно, – незнакомка продолжала свое дело, – но мои окна выходят на этот участок, значит, он – мой. Я не допущу, чтобы у меня под окнами до полуночи кто-то бродил! «Розовая» продолжила копать.

5.

Аджап постояла еще минуту, а потом побрела к соседнему подъезду, где разговорилась с новоселом – стариком по имени Байрам. Он тоже вышел подышать свежей утренней прохладой, и Аджап рассказала ему о своей неудачной попытке завести знакомство. Байрам-ага рассмеялся: на старом месте он был соседом Гулялек – той самой женщины с накрашенными глазами. Она всегда отличалась склочным нравом. А

такая неуживчивая она была потому, что жизнь у нее не пойми что, предположил Байрам-ага. Оперная дива в прошлом, она имела блестящую карьеру, наряды, драгоценности. Почти каждая премьера – это охапки цветов и толпа почитателей. Но артисты – люди тонкие, а где тонко, там и рвется. Она выходила замуж раза три, но быстро разводилась, детей из-за карьеры заводить не хотела. Так все и шло, пока она не потеряла голос. Ей тогда было под сорок: проснулась утром, а голоса нет. Что только она не предприняла, чтобы вернуть его, голос так и не вернулся, а Гулялек перестала быть дивой и ушла из театра. Она пробовала преподавать, но в силу нетерпимого характера, не смогла поладить с учениками и педагогическим составом. Словом, чтобы как-то прожить, она продала все свои драгоценности и ценные вещи, а сейчас живет на скудную пенсию, и ворчит в три раза больше, чем в молодости. Друзей она себе не нажила, что не мудрено с ее-то характером, а с родственниками не общается. Аджап стало жаль Гулялек.

6.

Часто из окна она наблюдала, как соседка в неизменном розовом костюме идет за покупками. Иногда ее сопровождала черная кошка – Ночка. Жила она у Гулялек и целый день отиралась в подъезде, а под вечер ныла у гулялекиной двери, пока та не впускала ее в дом. «Любая душа, даже самая вредная, хочет общения и хорошего отношения. Вот и Гулялек тоже кошку завела, тошно, небось, совсем одной», – ду-

мала, бывало, Аджап, подсыпая корм своему попугайчику. Она очень привязалась к птичке. Попугайчик мог тоскливо сидеть на одном месте часами, если его хозяйки не было дома, и шумно радовался, когда слышал, как поворачивается ключ в двери, начинал подпрыгивать и насвистывать. Однажды, уже после обеда, в дверь позвонили. Аджап приоткрыла дверь – на пороге стояла молодая женщина в белом халате и с медицинским чемоданчиком. – Здравствуйте, уважаемая, я – Гозель Хемраева, ваш участковый врач, – приветливо сказала гостя, – вот, пришла познакомиться, узнать, может у вас жалобы на здоровье есть. Аджап была польщена таким вниманием. Она широко распахнула дверь и, улыбаясь, стала приглашать врача в квартиру. – Заходи, дочка, очень приятно познакомиться! – радостно воскликнула она, не обратив внимания на то, что кошка нижней соседки терлась тут же. Гулялек, видимо, не впускала ее, а Ночка уже успела проголодаться. Не успела врач войти в прихожую, как из гостиной выпорхнул Тоты-джан. Его привлекла улыбчивая женщина в ослепительно белом одеянии, и попугайчик решил рассмотреть гостью поближе, а потому замахал своими крылышками уже возле самой двери. Тут у Ночки разгорелся глаз: она увидела живую птицу прямо в прыжке от себя. Инстинктивно выгнув спину и выпустив когти, кошка впрыгнула в прихожую, на лету подцепив лапой незадачливого попугая. Птица забилась в когтях кошки, а та, недолго думая, выскользнула в дверь вместе со своей добычей.

– Моя птичка, мой Тоты! – закричала Аджап, вне себя от ужаса. Но от Тоты на лестничной площадке осталось только два желтых пера. Молодая врач быстро закрыла дверь изнутри, и повела трясущуюся от горя Аджап на кухню.

7.

Пожилая женщина была в прострации, еще не осознавая случившегося. Увидев пустую клетку на кухне, Аджап вдруг суетливо запахнула шаль и попыталась выйти в коридор:

– Надо бежать, спасти его, может, еще успею, – но ноги плохо слушались ее.

Доктор быстро оценила обстановку и стала действовать решительно, но вместе с тем мягко. Понимая привязанность старой женщины к своему любимцу, а также риски, вытекающие отсюда, она обняла ее за плечи и осторожно усадила на табурет.

– Уважаемая, птичке уже не поможешь. Раз в лапы к кошке попала, ей не выжить.

Аджап посмотрела на докторшу и тихо заплакала.

– Ему было больно, – сквозь слезы шептала она, – ему было больно...

– Давайте, я вам сейчас давление измерю. Вам надо успокоиться...

Врач Хемраева хлопотала вокруг Аджап, а та опять впала в ступор: она смотрела на клетку невидящими глазами, а по щекам текли горькие старческие слезы. У врача самой сердце разрывалось глядеть на ее страдания. Аджап покорно от-

хлебнула сердечных капель из протянутого бокала. Потом, снова очнувшись, пробормотала:

– Иди, дочка, со мной все будет хорошо.

Но участковая не спешила покидать женщину, мало ли что, надо самой убедиться, что ничего плохого с ее здоровьем не произойдет. Гозель посидела рядом с Аджап еще часик, и только после этого ушла, обещав проведать ее завтра.

Аджап так и осталась сидеть в кухне на табурете. Мысленно она сто раз прокручивала картину гибели своего питомца и ругала и себя, и Ночку.

– Ну, только попадись мне на глаза, гадкая, – шептала она сквозь слезы, – убью!

8.

Аджап накинула на голову платок, спустилась на первый этаж и решительно постучала в дверь Гулялек. Соседка дверь открывать не спешила, но Аджап стучала настойчиво, и пару минут спустя, на пороге появилась Гулялек с нарисованными бровями и густо накрашенными глазами. На ее голове был накручен тюрбан, немислимый по форме и расцветке, а расплывшуюся фигуру на этот раз обтягивал потасканный шелковый халат, который помнил и лучшие времена из жизни своей хозяйки.

– Ты чего это в мою дверь как в свою колотишь, соседка!

– Знаешь что, твоя кошка сейчас ворвалась ко мне и съела моего попугайчика! – выпалила Аджап. – Если ты завела себе кошку, то и держи ее у СЕБЯ дома, чтобы не шастала по

этажам и не лезла в чужие квартиры! Предупреждаю, увижу твою черную гадину, пришибу!

– Видишь ли, соседка, кошка на то и кошка, чтобы на птиц охотиться. Держала бы свою птицу в клетке, и была бы она жива-здорова. Кошка хоть и моя, но гулять она будет там, где сама пожелает! А тронешь ее – я на тебя в полицию заявление напишу!

Не успела Аджап среагировать на эту тираду, как Гулялек захлопнула дверь прямо перед носом хозяйки погибшего попугайчика. Аджап еще секунду смотрела на дверь, будто не понимая, куда делась сама соседка. Очнувшись от такого хамства, она обессилено побрела к себе. Перед дверью опять столкнулась с Ночкой: та довольная спускалась с третьего этажа и, увидев Аджап, настороженно присела.

– Ах ты, хищница, – Аджап начала снимать с ноги башмак, – сейчас я тебя зашибу.

Морда у Ночки вытянулась: быстрее молнии скользнула она вдоль стены и мгновенно оказалась на нижних ступеньках. Башмак, который Аджап запустила в нее, одиноко плюхнулся в лестничный пролет уже после того, как кошка сделала ноги. Старая женщина устало присела на ступеньку и заплакала. Она плакала тихо и очень горько, ведь попугайчик был для нее всем: лучшим другом и собеседником, тем существом, о котором она постоянно заботилась и думала. И что получается, он мученически умер в когтях этого зверя, а она никак не смогла ему помочь.

Наплакавшись, она кое-как спустилась за своим башмаком.

«А ведь эта злыдня права: Ночка не виновата, что она хищница – какой с нее спрос, – думала она, ставя башмаки на полочку в коридоре. – Это ты, старая калоша, во всем виновата: как звонят, сразу дверь в гостиную закрывать надо было, чтобы Тоты не вылетел!».

В этот вечер Аджап убрала пустую клетку на шкаф и простила Ночку. Но Гулялек ей было уже ни капли не жалко.

9.

Дни шли своей чередой, и Аджап не заметила, как наступила осень. А все потому, что племянница Нязик, узнав о тетушкином несчастье и видя ее страдания, купила ей нового попугайчика, такого же – желто-зеленого. Сначала Аджап была против. «Забери его, Нязик, никто мне не нужен кроме Тоты-джана!», – сопротивлялась она. Но через несколько дней, видя, что попугайчик заскучал, стала его развлекать: пела песенки, разговаривала с ним. С каждым днем она привязывалась к птичке все больше, и уже дни не казались ей такими серыми, а жизнь безрадостной, тем более, что новенький попугайчик, которого она назвала Кичи (*мальши – с туркменского*), страсть, как любил послушать песенки. Он весело щебетал в клетке и занимал все помыслы Аджап. Теперь она отпускала птичку полетать на два часа, а потом опять закрывала в клетку – так целее будет.

Частые дожди размыли дорожки к дому: их строители

лишь наспех присыпали песком. В такую грязь из дома выходить было страшновато – поскользнуться можно было, где угодно. Аджап сократила свои прогулки до минимума. Нязик приносила ей продукты и необходимые лекарства. Гозель Хемраева тоже нет-нет заходила. После того, как врач меряла ей давление и расспрашивала про самочувствие, они пили чай. Во время одного такого чаепития участковая как бы невзначай рассказала Аджап, что Гулялек нездоровиться: сердце пошаливает и ноги болят. Ей нельзя тяжести поднимать и нервничать. Аджап было ясно, чего добивалась врач, но на Гулялек она поставила большую и жирную точку. Уяснив для себя распорядок ее прогулок и походов в магазин и аптеку, она старалась выходить из дома так, чтобы не встретиться с вредной соседкой.

С осенними дождями в сердце поселилась неведомая тоска, с которой Аджап пыталась бороться: ведь за дождливой осенью придет холодная зима и уже неизвестно, дождется ли она весны. Обычно она развлекалась тем, что глядела из окна на улицу: вот школьники спешат на учебу, вон и Байрам-ага проковылял за хлебом. Не видно было только Гулялек. «Ей-то кто продукты носит?» – думала про себя Аджап. Да, странно это как-то. По наблюдениям Аджап, Гулялек уже три дня не выходит из дому – ни за продуктами, ни за лекарствами. На четвертый день Аджап заняла свой наблюдательный пункт у окна с твёрдым намерением засечь вылазку Гулялек. Она просидела до полудня, но Гулялек так и не вышла

из подъезда. В душе Аджап шевельнулось беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.